

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Независимый экспертный доклад

Ответственный редактор
В.А. Тишков

Новосибирск
2003

Авторский коллектив

- Е.П. Батьянова*, кандидат исторических наук (глава 4)
Н.Б. Вахтин, доктор филологических наук (глава 8)
В.А. Кряжков, доктор юридических наук (глава 7)
Т.В. Лукьянченко, кандидат исторических наук (глава 2)
Е.В. Лярская (глава 8)
Н.И. Новикова, кандидат исторических наук (глава 6)
Е.А. Пивнева, кандидат исторических наук (глава 5)
А.А. Сирина, кандидат исторических наук (глава 3)
З.П. Соколова, доктор исторических наук (глава 1)
В.А. Тишков, член-корреспондент РАН (введение и заключение)
Д.А. Функ, доктор исторических наук (глава 9)
В.И. Харитонова, доктор исторических наук (глава 9)
А.Н. Ямсков, кандидат исторических наук (глава 2)

Консультанты

- В.И. Бойко*, член-корреспондент РАН
П. Витебский, профессор (Великобритания)
А.П. Деревянко, академик РАН
Л.Р. Павлинская, кандидат исторических наук
Г. Фондалл, профессор (Канада)
С.Н. Харючи, президент АКМНСиДВ
Б.П. Шишло, профессор (Франция)

Исследования выполнены при поддержке
губернатора Красноярского края А.И. Лебеда.
Доклад печатается в рамках программы фундаментальных академических исследований
«Историко-культурная эволюция, современное состояние и перспективы устойчивого
развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»

Фото и слайды предоставили

- Е.П. Батьянова, А. Вахрушев, М. Виднер, С. Иваненко, Л. Круглов, Т.В. Лукьянченко,
Н.А. Месштыб, Е.А. Пивнева, А.А. Сирина, А.В. Смоляк, В.А. Тишков,
Д.А. Функ, В.И. Харитонова*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Стратегия жалоб и традиция защитности (В.А. Тишков).....	5
ГЛАВА 1. Этнический состав и демографическая ситуация (З.П. Соколова)	13
Расселение	13
Происхождение и языковая характеристика	16
Этнодемографическая ситуация в XX веке	21
Межэтнические процессы	25
Выводы и рекомендации	27
ГЛАВА 2. Окружающая среда и природные ресурсы (Т.В. Лукьянченко, А.Н. Ямсков)	29
Природно-климатические условия	31
Ландшафтные зоны и биоресурсы	34
Традиционное хозяйство и экологические проблемы	36
Промышленность и экологические проблемы	37
Перспективы Российского Севера	45
Выводы и рекомендации	46
ГЛАВА 3. Хозяйство и социальная сфера (А.А. Сирина)	48
Виды хозяйственной деятельности	50
Рынок и традиционное хозяйство	56
Территории традиционного природопользования	59
Субъекты традиционного природопользования	60
Горнодобыча и традиционное хозяйство	62
Социальная сфера	64
Выводы и рекомендации	66
ГЛАВА 4. Промыслы и ремесла (Е.П. Батьянова)	68
Промыслы и ремесла в советский период	68
Промыслы и ремесла в период перехода к рынку	72
Трудности переходного периода	74
Кризис в оленеводстве и проблемы рынка сбыта	75
О развитии косторезного промысла	77
Выводы и рекомендации	80
ГЛАВА 5. Здоровье и медико-социальные проблемы (Е.А. Пивнева)	82
Индикаторы здоровья аборигенов Севера	82
Социальная и природная среда как факторы здоровья	85
Медико-социальные проблемы	87
Политические аспекты охраны здоровья народов Севера	89
Выводы и рекомендации	95
ГЛАВА 6. Государственно-административное устройство и самоуправление (Н.И. Новикова)	99
Федеральный уровень	100
Региональный опыт	101
Самоуправление – для каких целей?	102
Самоуправление в районах российского Севера	105
Властные полномочия и этническое представительство	109
Культурное самоопределение	110
Выводы и рекомендации	.....

ГЛАВА 7. Правовые основы развития народов Севера и Сибири (В.А. Кряжков)	112
Инородческое право в Российской империи	112
Советская государственно-правовая политика в отношении северных народов	113
Период постсоветских трансформаций	116
Федеральное законодательство	117
Региональное законодательство	118
ГЛАВА 8. Языковая ситуация и проблемы образования (Н.Б. Вахтин, Е.В. Лярская)	121
Языковая ситуация	121
Школьное образование	127
Высшее образование	131
Выводы и рекомендации	133
ГЛАВА 9. Духовная культура и религия (В.А. Харитонова, Д.А. Функ)	135
Фольклор, сказительство, фольклорные ансамбли	136
Книгоиздательская деятельность и литература на национальных языках	137
Библиотеки	140
Профессиональное искусство и культура	140
Традиционные праздники и праздничная культура	143
Религия	145
Традиционные верования и культы	148
Шаманские практики	151
Православие	153
Выводы и рекомендации	158
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ (В.А. Тишков)	161
Список сокращений	167

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия жалоб и традиция защитности

Идея подготовки экспертного доклада о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) родилась после издания Институтом этнологии и антропологии РАН независимого экспертного доклада «Пути мира на Северном Кавказе» (1999 г.), который получил позитивную оценку представителей научной и общественно-политической среды и даже стал одним из поводов для посещения президентом В.В. Путиным Президиума Российской Академии наук в феврале 2000 г. Доклад по Северному Кавказу был подготовлен при поддержке руководителя Миротворческой миссии на Северном Кавказе А.И. Лебеда. Избрание его губернатором Красноярского края определило обращение к этому безвременно ушедшему из жизни российскому политику поддержать аналогичный проект по проблемам коренных малочисленных народов Севера. Поддержка была получена, что позволило авторам доклада выполнить первичные исследования. Завершение работы по разным причинам было отложено почти на два года.

Изначально идея заключалась в том, чтобы проанализировать современную ситуацию и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера (КМНС) не в традиционном ключе (по народам, как это делается обычно в научной литературе), а проблемно и в более широком этнокультурном контексте России, с привлечением мирового опыта решения аналогичных ситуаций в циркумполярных зонах и других регионах мира. Для этого были введены две новации в содержание и структуру исследования: 1) обзор строился по кросс-этническому принципу; 2) предметом рассмотрения должны были стать и другие (более крупные и не менее автохтонные) народы регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока: якуты, буряты, тувинцы, хакасы и алтайцы, проблемы которых схожи с проблемами КМНС.

Именно в таком ключе были подготовлены первые варианты текстов доклада, причем с привлечением специалистов из соответствующих республик. Но оказалось, что схожесть проблем недостаточна, чтобы рас-

сматривать состояние «больших и малых» этнических общностей в рамках общего анализа. Существо проблем, правовой статус, традиция академического анализа и система государственно-политического управления действительно столь разные, что родившееся еще в 1920-е годы официальное понятие «коренных» и «малых» (затем – «малочисленных») народов вызвало к жизни и особую группу населения со своими особыми проблемами. *Выделенные в социально-культурной реальности критерии (среда проживания, демография, тип хозяйства и др.) стали своего рода социальной нишей инаковости, самодовлеющей над схожестью с остальным населением страны.*

Эта «железная клетка» инаковости основывается на реальных обстоятельствах, чаще всего связанных с ситуацией социальной приниженности и культурной уязвимости. Сам по себе статус «коренных, малочисленных» становится своего рода барьером интеграции в рамках основного общества и даже препятствием для общего рассмотрения, т.е. об эвенках и якутах можно размышлять и выстраивать в отношении их политику только как о различных социумах и субъектах разного права. Этот подход существует уже очень давно и не только в нашей стране. Он оправдан и, возможно, до сих пор сохраняет свой смысл, но, тем не менее, в нем скрыто что-то фундаментально уязвимое с точки зрения устойчивого развития и с точки зрения конкретного человека, его частной стратегии как гражданина России и члена российского общества. *Другими словами, «коренные малочисленные народы» - это вечный статус для части россиян как механизм сохранения самости, избегания забвения и достижения равенства или от особого статуса возможно и даже желательно уйти с достижением равенства или по причине превышения демографического порога, когда неприлично говорить о «малочисленности»? Ответ на этот вопрос в заключительной части доклада.*

Возврат к традиционному подходу отдельного рассмотрения проблем КМНС выявил явную недоста-

Башня Якутского острога

точность имеющейся информации в форме научных разработок и необходимых статистических выкладок. Сбор статистических данных в Российской Федерации ведется по «районам проживания коренных малочисленных народов Севера», поэтому конкретные сведения именно по малочисленным народам отсутствуют. Что может дать общая статистика, например, по Ханты-Мансийскому АО, если представители КМНС составляют в нем 2% от всей численности населения? Использование результатов этнографических полевых работ последних лет несколько исправило положение с источниковой базой доклада, но в целом проблема достоверных данных остается. Ибо если нет достоверной информации, ее место занимает мифология, суррогатная статистика и политизированные измышления. Достаточно привести пример с данными о «вымирании народов», которыми все последнее десятилетие «кормили» российское общество Госкомстат, ученые, публицисты и аборигенные активисты. Основанный на примитивных представлениях, что этничность продолжается или прекращается только через физические рождение и смерть, миф о вымирании существует уже более столетия. Он пестовался в политизированные 1990-е гг. и, очевидно, сохранится в будущем. Но только само аборигенное население не вымирает, а в два последних межпереписных периода демонстрирует завидный рост: 16% – в 1979 – 1989 гг. и 17% – 1989 – 2002 гг.

Вторая трудность связана с инерцией исследовательского менталитета и с объективностью восприятия существующих проблем, т.е. выполнением научного анализа вне явного влияния идеологии и полити-

ки того или иного рода. Конечно, избежать такого влияния невозможно, так как ученый всегда пребывает в поле властных отношений и идеологических воздействий. Однако объективность как черта профессионализма, казалось бы, всегда должна присутствовать в научном исследовании. Как хорошо известно из истории нашей науки, это далеко не всегда удастся ученым-этнографам, тем более в случае изучения КМНС. В силу ряда причин сложилась мощная традиция воспринимать и интерпретировать положение аборигенного населения Севера только как *проблемное*, а точнее – *трагическое*.

Эта традиция была заложена еще при рождении отечественной этнографии, когда исследователи народов Севера в конце XIX – начале XX века писали о бедственном положении аборигенов, предвещая неизбежное исчезновение туземных языков и скорое вымирание их носителей. Отчасти это отношение характерно для всей мировой (точнее – европейской) науки, изучавшей историю, культуру и положение вступивших в контакт с европейской цивилизацией так называемых «туземных народов». За этой морально-этической позицией чаще всего стояло не только сострадание, но и политическое обвинение со стороны интеллектуалов-ученых господствующих режимов в сверхэксплуатации колонизируемых территорий и проживающего на них населения.

Трагический взгляд был не только политикой и моралью, он отражал объективный процесс разрушения самобытных аборигенных культур под воздействием более развитых в техническом и военно-политическом отношении государственных образований и располагавших мощными демографическими и культурными ресурсами этнических общностей. Этот контакт двух неравных по статусу и по возможностям цивилизаций сопровождался не только прямым насилием, эксплуатацией, культурной ассимиляцией, но и разрушительным эпидемиологическим воздействием. Завезенные болезни нанесли огромный урон малым аборигенным популяциям по всему миру, включая российские Сибирь и Север. Вполне естественно, что многие представители научного мира выступили в защиту аборигенов и много сделали для их сохранения от полного исчезновения.

Традиция защитности повлияла и на формирование политики государственного патернализма, которая обрела особо покровительственные формы в советский период как часть так называемой национальной политики или политики «преодоления исторической отсталости окраин» и развития «в прошлом угнетенных народов и наций». Советский патернализм, выразившийся во многих формах хозяйственной, социальной и культурной политики в отношении малых народов Севера, принес ощутимые позитивные результаты, но не решил фундаментальных проблем са-

мого контакта разных цивилизаций и обеспечения культурно устойчивого модернизационного развития аборигенных этнических групп. Успехи в области культуры, образования, здравоохранения не могли компенсировать более основательные пороки советской системы в сфере хозяйствования и политического управления, а общий низкий уровень социальных условий жизни в СССР определял и низкий уровень жизни малочисленных народов Севера.

Тем не менее, пропагандистский потенциал советского времени был настолько мощным, что в стране существовал устойчивый миф об успешном развитии аборигенного населения в СССР на фоне вымирания и исчезновения носителей аналогичных культур в условиях капитализма. О серьезнейших проблемах КМНС говорить было не принято. Мне хорошо запомнился случай во время работы в Магадане в конце 1960-х гг., когда вернувшийся из поездки в Канаду чукотский писатель Юрий Рытхейу рассказал о своих впечатлениях и соотнес их с оценкой положения чукчей без однозначного восхваления советской действительности. Это вызвало гнев областного партийного начальства и привело к увольнению руководителя магаданской телестудии.

Что касается научных работ советских этнографов того времени, то они тоже были отражением своего времени. Высоко профессиональные разработки этнической истории и культуры северных народов, подвижнический экспедиционный труд, участие в разработке систем образования и в подготовке кадров для аборигенов и из числа аборигенов не могли дополниться столь же обстоятельным изучением социальных, медицинских и общественно-политических проблем. Те немногие доклады (их называли «записки в директивные органы»), на которые отваживались ученые, чаще всего не находили позитивного ответа или же просто отвергались. А если и принимались какие-то меры, то они носили половинчатый, верхушечный характер. Их воздействие было ограниченным по причине нехватки ресурсов или же неумолимой растраты на военные программы, на грандиозные мегапроекты типа строительства атомных электростанций на вечной мерзлоте.

Новый этап в истории коренных малочисленных народов Севера наступил с приходом горбачевской либерализации и с коренными общественными преобразованиями последнего десятилетия XX в. Историческим событием было проведение в 1990 г. в Кремле Первого съезда народов Севера. Здесь впервые довольно ощутимо прозвучали как голоса самих аборигенов, так и мнения специалистов. Именно тогда вместо номенклатурных культурных героев, представлявших аборигенов-северян и говоривших от их имени, появились первые общественные лидеры (часто из тех же самых писателей-наставников, но не толь-

ко). Это было время громких заявлений, что 60% территории России – это исконные земли аборигенного населения (нивх В. Санги), и время почти культовой популярности политиков с аборигенным происхождением (нанайка Е. Гаер).

Зная опыт канадских аборигенов, мне представлялось, что на смену этому этапу манифестного выступления российских аборигенов через образы и слова двух-трех харизматических лидеров придет время формирования активистов среднего и местного уровня, которые возьмут на себя заботы обустройства жизни конкретных поселков и общин, а также дело формулирования и отстаивания прав на уровне регионов и автономных округов. Действительно, этот этап наступил, о чем свидетельствовало, например, заседание Координационного совета Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСиДВ), которое прошло в г. Ханты-Мансийске в ноябре 2003 г. Помимо зрелых и подготовленных общенациональных лидеров, аборигены-северяне имеют сегодня большое число региональных «вождей» и местных активистов. Поистине удивительная и, безусловно, позитивная метаморфоза последнего десятилетия.

Принесли ли этот новый этап в жизни российских аборигенов, помимо общественно-политической организации, лоббирования и реализации ряда программ и проектов, участия в международном сотрудничестве циркумполярных народов, какие-либо новые самовосприятия, оценки и стратегии, тем самым помогая исследователям лучше понять ситуации и перспективы развития или вместе с учеными пытаюсь совершить осмыслительный прорыв? К сожалению, нет или почти нет. Аборигены попали в давно накатанную и удобную колею риторики жалоб и трагизации положения (испытанная стратегия вызывания сочувствия и ожидания вознаграждения). Эта стратегия работала в прошлом и, отчасти, работает и поныне.

Жалоба и образ трагедии приносят быстрые (хотя и скромные) дивиденды. На них строится идеология и политика «помощи» и «защиты», т.е. все того же самого патернализма. В какой мере это может быть основой устойчивого развития и как долго это может продолжаться? Именно эта идеология, которая становится частью внутреннего мира не только через собственный конкретный опыт по жизни, но и через внешнее предписание, становится причиной эмоционально-психологической демобилизации и даже прямого воздействия на поведение и поступки людей, вплоть до проклятий аборигенов-северян – алкоголизма и суицида. Во многих других регионах мира люди умирают от голода и социальных болезней, но среди них, в сравнении с российскими аборигенами, гораздо меньше тех, кто кончает жизнь са-

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНУ

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации обращается к Вам, как к гаранту Конституции Российской Федерации, за защитой нарушенных конституционных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. **В своем обращении мы хотели бы обратить Ваше внимание на нарушение нашего основополагающего конституционного права – права на ведение традиционного образа жизни, что в действительности для коренных малочисленных народов Севера означает само право на жизнь.**

Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством коренным малочисленным народам гарантировано право на ведение традиционного образа жизни, защиту исконной среды обитания и образование территорий традиционного природопользования. Для реализации этого права в развитие конституционных положений в 2001 году был принят Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», который был подписан Вами в годовщину инаугурации и вступил в законную силу 11 мая 2001 г.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством обязанность по обеспечению прав граждан возложена на органы государственной власти. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (п. 1 ст. 15 Конституции РФ). Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (п. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Обязанность по созданию территорий традиционного природопользования (ТТП) в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» лежит на Правительстве РФ. Во исполнение положений статьи 11 настоящего Федерального закона Правительство РФ должно было разработать и принять положение о территориях традиционного природопользования федерального значения (далее положение о ТТП)...

Возникает вопрос: почему в течение 2,5 лет Минэкономразвития РФ игнорирует реализацию положений федерального закона, который никто не отменял? Почему остаются невыполненными поручения Правительства РФ и, даже, поручение Председателя Правительства РФ? Все дело оказывается в особом мнении Минэкономразвития в данном вопросе, которое присвоило себе право решать: выполнять требования федерального закона или нет. Минэкономразвития считает, что вместо Положения о ТТП надо подготовить закон о ТТП в новой редакции. При этом ссылается на Ваше поручение и план законопроектной деятельности Правительства РФ на 2003 года, что является откровенным лукавством. По их мнению, действующий закон «плохой», его невозможно реализовать «из-за отсутствия процедуры проектирования и обоснования необходимых ресурсов, что не позволяет объективно определить размеры и границы ТТП» (из выступления заместителя министра экономического развития и торговли РФ М.М. Циканова в Совете Федерации 24.09.03). Налицо попытка поставить в зависимость друг от друга два различных процесса: реализация действующего законодательства и разработка поправок в действующий закон. В то же время, за последние два с половиной года в Минэкономразвития никакой работы в направлении образования ТТП не осуществлялось, за исключением подготовки проекта новой редакции закона.

За этот период в адрес Правительства РФ от общин коренных малочисленных народов поступило несколько десятков обращений об образовании ТТП федерального значения. Вместо решения Правительства РФ об образовании ТТП или отказе в этом, которое можно было бы на законных основаниях обжаловать в суде, обратившиеся граждане и родовые общины коренных народов получили формальную отписку Минэкономразвития. Министерство ссылается на то, что из-за отсутствия подзаконного нормативного правового акта, т.е. того самого Положения, разработать которое оно упорно не желает, образовать ТТП невозможно.

В условиях, когда общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока получают отказы в образовании территорий традиционного природопользования под предлогом отсутствия механизмов реализации ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», их земли беспрепятственно передаются под промышленное освоение недропользователям и некоренным землепользователям на условиях долгосрочной аренды.

Ранее закрепленные за коренными народами Севера земли выставляются региональными органами власти на конкурс, охотничьи и рыбные угодья коренных народов продаются под вырубку леса, добычу энергоресурсов и разработку рудных месторождений. Охотясь или ловя рыбу на своих исконных землях, коренные народы Севера превращаются в браконьеров, за это у них изымают ружья, рыболовные снасти, рыбу или зверя, добытых тяжким трудом. Если принять во внимание, что для большинства коренных малочисленных народов Севера традиционные виды хозяйствования и традиционного природопользования является единственным источником жизнеобеспечения, то, фактически, эти люди лишаются средств существования и, в конечном счете, обречены на голодную смерть.

В результате отсутствия механизма реализации данного федерального закона общины малочисленных народов Севера сегодня не могут закрепить за собой земельные участки с охотничье-промысловыми угодьями, оленьими пастбищами и рыбопромысловыми участками на территориях традиционного природопользования. Без документов на право пользования охотничьими участками и территориями традиционного природопользования, представители и общины коренных малочисленных народов Севера, осуществляющие традиционное природопользование, не имеют возможности получить долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира, разовые лицензии на промысел пушного зверя, а также квоты на вылов рыбы для развития и личного потребления. Кроме того, на основании нового Земельного кодекса РФ региональные органы власти требуют от аборигенов огромную арендную плату за охотничьи участки, а так как аборигены лишены таких средств, изымают имеющиеся у них участки, признавая утратившими силу государственные акты на пожизненное владение участками на основании постановления Правительства Российской Федерации № 919 от 23 декабря 2002 года.

Жалобы в отношении подобных действий поступили в Ассоциацию из Приморского края, Магаданской, Иркутской, Амурской, Читинской областей и Эвенкийского автономного округа. В Ненецком АО в отношении большей части территорий традиционного природопользования оленеводов уже решен вопрос распределения земельных участков на оленьих пастбищах между нефтяными компаниями на условиях долгосрочных лицензий.

В результате неисполнения Минэкономразвития РФ положений Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и соответствующих поручений Правительства РФ коренные малочисленные народы Севера до сих пор **не имеют возможности реализовать свое конституционное право на ведение традиционного образа жизни** и традиционного природопользования в границах исконного проживания и хозяйственной деятельности, что лишает их средств существования и ведет к дальнейшему унижению.

В связи с этим свои конституционные права аборигены Севера, Сибири и Дальнего Востока России вынуждены отстаивать в судебном порядке. В 2003 году в суды г. Москвы было предъявлено несколько исков к Правительству РФ от имени общин коренных малочисленных народов по поводу отказов, по их обращениям об образовании ТПП. Однако опыт судебных тяжб показал неспособность и открытое нежелание российского суда защищать права граждан, нарушенные органами государственной власти Российской Федерации. Все обращения в суд с жалобами на Правительство РФ не имели результата вследствие полной зависимости российского суда от Правительства РФ. К примеру, Пресненский суд г. Москвы в течение полугода отказывал представителям коренных народов и родовым общинам в приеме дела к рассмотрению. После подачи нескольких жалоб на незаконные действия суда, дело было принято к рассмотрению и было рассмотрено в течение 2 часов. Судом было вынесено незаконное решение об отказе в удовлетворении жалобы коренных народов. Т.е. суд не считал возможным признать иск к Правительству РФ справедливым и законным. **Таким образом, складывающаяся ситуация с реализацией конституционных прав коренных малочисленных народов Севера, порождает неверие в способность институтов власти нашего государства защитить эти права, обеспечить их реальное воплощение в жизнь.**

В связи с невозможностью добиться в российских судах восстановления нарушенных прав, коренные народы вынуждены сегодня обращаться за защитой своих прав в международные инстанции. Доводим до Вашего сведения, что жалоба в отношении образования ТПП «Тхсаном» (Корякский АО), получившая отказ в удовлетворении в российских судах, в июне 2003 года была направлена в Европейский Суд по правам человека. 21 августа 2003 года мы получили информацию о том, что данная жалоба принята в (Страсбурге и будет рассмотрена. Очевидно, что и другие судебные иски ожидает та же судьба. В сентябре-октябре 2003 года по многочисленным фактам нарушения конституционных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока нами была направлена информация в Комитет ООН по правам человека, который планирует заслушать очередной пятый периодический доклад Российской Федерации о соблюдении Пакта о гражданских и политических правах. Так же нами готовится параллельный отчет о соблюдении Российской Федерацией положений Пакта об экономических, социальных и культурных правах для представления его в Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

Информируя Вас о вышеизложенном, выражаем надежду и уверенность, что Вами будут приняты все меры по пресечению дальнейшего нарушения прав коренных малочисленных народов Севера на образование территорий традиционного природопользования и недопущению фактов нарушения норм Конституции Российской Федерации и неисполнения действующего законодательства со стороны федеральных органов власти, прежде всего, со стороны Министерства экономического развития РФ.

В настоящем письме поднята лишь одна из сегодняшних жгучих проблем народов Севера. Существует целый ряд других, которые также требуют безотлагательного решения властей, однако никак не решаются, и, поэтому, приобретают все большую остроту. В связи с этим мы просим Вас, Владимира Владимирович, найти время для встречи с лидерами коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, во время которой они могли бы изложить и подтвердить остроту этих проблем и высказать свои предложения по их решению.

С глубоким уважением, президент Ассоциации

С.Н. Харючи

моубийством. Тогда нет ли среди причин такого поведения феномена психологической бедности и навязанной безысходности, если, конечно, исключить случаи самоубийства в состоянии алкогольной горячки?

Рождаемые аборигенными активистами и их организациями документы (отчеты, доклады, заявления, декларации, обращения) сегодня стали одним из важных источников научного анализа. Более того, данный доклад имеет своей целью не только изложить взгляд ученых «со стороны», но и предоставить возможность прозвучать мнениям тех, о ком пишут ученые. Эти прямые голоса присутствуют в качестве свидетельств и аргументов. Каким видят сегодня аборигенные лидеры свой мир и свое будущее? Насколько эти воззрения отличаются от доминирующих научных представлений? Как мне представляется, здесь нет какого-либо существенного разрыва. Хорошо или плохо, но очень часто аборигены говорят языком научных статей и книг, а научные тексты не менее часто вторят голосам аборигенов. Если еще аборигены позволяют себе критический взгляд на некоторые научные сочинения, то ученые почти никогда не подвергают сомнению взгляды и действия аборигенов: «абориген, как и олень, всегда прав». Но так ли это, особенно по вопросу стратегического видения и общих условий развития?

На упомянутом выше заседании Координационного совета АКМНСиДВ в г. Ханты-Мансийске заместитель председателя правительства округа и один из аборигенных лидеров А.И. Райшев в своем докладе так изложил общепринятое видение развития: «Одним из основных условий устойчивого развития современного общества в целом, является сохранение коренных малочисленных народов Севера посредством социально-экономического развития традиционных видов хозяйствования, являющихся этнообразующим фактором. Опыт традиционного природопользования народов Севера признается сегодня международным сообществом одной из основных форм сохранения окружающей среды – исконной среды проживания аборигенов». Примерно в те же самые дни президент ассоциации С.Н. Харючи направил письмо президенту РФ В.В. Путину с жалобой на федеральное правительство, которое отказывается обеспечить реальное исполнение федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». В этом письме также повторяется основополагающий тезис, что «право на ведение традиционного образа жизни означает для коренных малочисленных народов Севера само право на жизнь».

Из этого же положения исходят фактически и все ученые, включая авторов данного доклада. Более того, именно ученые в значительной мере создали

сам образ «традиционного хозяйства» или «культурно-хозяйственного типа» через исторические реконструкции и детальные, многократно повторяемые описания, хотя в исторической реальности практики хозяйствования постоянно подвергались воздействию меняющихся условий, миграций, заимствований и инноваций. Ничего не изменилось в этом плане и на современном этапе жизни. Право на инновации и на любые отвечающие современным интересам и запросам хозяйственные практики остается за аборигенами Севера, как и за всеми другими «большими и малыми народами». С сохранением этноса или с «этнообразованием», а тем более с идентичностью некогда зафиксированные «традиционные хозяйства» имеют далеко не самую прямую связь. Нет уверенных доказательств, что пасущий оленей чукча чувствует себя большим чуком, чем его соплеменник в кабине грузовика или в качестве оператора на нефтедобывающей вышке. Поэтому признавая значимость длительно существующих и сохраняющихся хозяйственных практик оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства дикоросов как важного компонента сохранения культурной отличительности и источника жизнеобеспечения, было бы ошибкой считать «традиционное хозяйство» самой основой жизни этнической общности и отдельно взятого аборигена.

Для малой и все уменьшающейся части аборигенов «традиционное хозяйство» может оставаться «самой жизнью», но для большинства оно таковым быть не может. Так что же делать с риторикой и реальной стратегией? Есть середина между двумя крайностями: романтическим и демодернизационным традиционализмом и жесткой модернизацией вне культурного контекста с целью полной интеграции в доминирующее общество. Это – стратегия культурно ориентированной модернизации и интеграции коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. *Культурно ориентированная модернизация означает сохранение специфических хозяйственных занятий и творческой деятельности части представителей коренных малочисленных народов в сочетании с другими формами занятий и деятельности, способными обеспечить приемлемые условия социального существования и развития. Специфические (традиционные) занятия сохраняются не столько как «источник жизни» (это только для малой части аборигенного населения), а как «источник культуры» и важный компонент этнической идентичности (наряду с языком, обычаями и верованиями, художественным творчеством). А это означает необходимость общей поддержки такой деятельности как со стороны остальной части аборигенного населения, так и доминирующего общества в лице государства, хозяйствующих агентов и просто общественности.*

Подлинное развитие возможно только на основе вовлечения аборигенов в современные и более эффективные хозяйственные занятия и деятельность, способные удовлетворить их все более расширяющиеся запросы и интересы. Или же через развитие таких эффективных форм среди самих аборигенов. Нынешнее увлечение территориями традиционного природопользования и родовыми угодьями было отчасти вынужденной стратегией в условиях приватизации государственной собственности и ресурсов с целью принять участие в этом процессе и обрести кое-какие права на землю и ее богатства. Реально это сделать не удалось перед лицом более мощного наступления частного капитала и чиновника. Некоторые отвоения возможны и даже необходимы, как и права на часть природной ренты, на компенсации за наносимый ущерб. Но в этом ли главная стратегия развития?

Культурно ориентированная модернизация означает приход к аборигенам всего набора доступных остальному населению страны благ цивилизации через производительный труд самих аборигенов в самых его разных, но эффективных формах. Для этого современные занятия должны приходиться к аборигенам, или сами аборигены должны приходиться к современным занятиям через вовлечение в разные производства и не только в пределах общинного проживания, а в масштабах всей страны.

Тем более, что за последние пятьдесят лет значительно изменилась социальная структура самих аборигенов. Они утратили прежнюю гомогенность: среди них есть городское население, жители поселков, а также обитатели таежных и тундровых стойбищ, образ, уровень жизни и образование которых весьма различны.

И все же главное условие – это общий уровень экономического развития страны и ее регионов. Через это общее развитие можно достичь улучшения жизни аборигенов-северян, но даже при решении первой задачи выполнение второй автоматически невозможно. Нужны постоянные усилия и даже политическая борьба.

Одно из условий успеха – это самоопределение в рамках России и отдельных территорий, понимаемое как реализация права на участие в более широком общественно-политическом процессе, т.е. право на управление и самоуправление. Здесь есть также фундаментальные проблемы, которые должным образом пока не обсуждались.

Автономные округа, особенно из числа быстро развивающихся нефтегазовых территорий, все меньше воспринимаются как форма внутригосударственного самоопределения коренных малочисленных народов, для которых, собственно говоря, и создавались эти образования. Чем меньше становится это восприятие, тем больше уверенность правящей в этих образова-

ниях бюрократии, что данные субъекты есть изначально и неформируемая данность, более того – основа стабильности России. Для обоснования используется аргумент местного патриотизма и территориальной формы идентичности – *эвенкийскости*, *хантымансийскости*, хотя за этим стоят экономический и политический интересы. Едва ли преобладающее приезжее население обладает столь устойчивой убежденностью в необходимости «собственной государственности», как это обычно присутствует в случаях этнотерриториальных образований. Однако два аргумента используются достаточно эффективно: «мы не позволим» и «вам же будет хуже». Одна из российских газет писала: «Эвенков лишили их сенатора», имея в виду непризнание судебными органами решения «суглана» (даже название украли у 2% населения) Эвенкийского АО об избрании Невзлина своим представителем в Федеральном Собрании РФ.

Приведем только один пример этих новых политических ментальностей «окружных» элит. Их внешность поразительна, хотя именно из аборигенного арсенала черпаются символика и элементы региональной идентификации, начиная от названия ХМАО как округа – «Югра», а края – как «Югория». Представитель в Совете Федерации от Думы ХМАО П.С. Волостригов в пространном интервью журналу «Российская Федерация сегодня» ни разу не упомянул сам факт аборигенного компонента местного населения и связанных с этим проблем. Главным было следующее: «Под разговоры о необходимости реформ у округа изымут и 80 процентов зарплатного им бюджета. Полный абсурд: самый экономически высокоразвитый субъект Федерации – годовой объем производства превышает 500 миллиардов рублей, с самой высокой выработкой на человека в стране, занимающий площадь более 500 тысяч квадратных километров, и с населением около 1,5 млн. человек, фактически переходит под внешнее управление. Даже финансирование органов власти автономного округа планируется производить из Тюменской области» (2003, июнь, № 11, с. 18). Кстати, в прилагаемой справке об округе помещен хантыйский деревянный идол, но в самом тексте опять ни слова о хантах и манси.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей аналитический доклад был задуман и осуществлен прежде всего с целью показать все многообразие достаточно сложной, хотя и не всюду безысходно трагичной социально-экономической, политической и культурной ситуации, в которой живут современные народы Севера и Сибири. Знание реального положения будет способ-

ствовать выработке адекватных подходов к решению этих проблем как на федеральном уровне, так и в каждом конкретном случае: на уровне местных администраций и общин коренного населения. Вместе с тем, в докладе сделан акцент на анализе ситуации и выработке конкретных рекомендаций, которые способствовали бы решению главной задачи современного периода развития аборигенных народов Севера.

Все авторы, будь то лингвисты, демографы, антропологи или этнографы, приглашенные для написания глав, имеют длительный опыт работы на Севере и большой опыт научной и практической работы, что

позволяет надеяться на основательность доклада. Возможно, не всё в написанном покажется верным, особенно в плане трактовки тех или иных явлений, хотя мы и стремились избегать излишних частных и рассматривали лишь наиболее важные, сущностные черты явлений и процессов. Тем не менее, работа в основном соответствует задуманному. Мы надеемся на конструктивные отклики и предложения со стороны специалистов, общественных организаций и работников государственных структур, заинтересованных в сохранении и обеспечении устойчивого развития народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

ГЛАВА 1

Этнический состав и демографическая ситуация

В Сибири и на севере России живут практически все народы, населяющие нашу страну. Коренных народов, связанных с этой обширной территорией своим происхождением, свыше сорока. Среди них так называемые “коренные малочисленные народы Севера” (КМНС), численность которых колеблется от нескольких десятков тысяч до сотен и даже десятков человек.

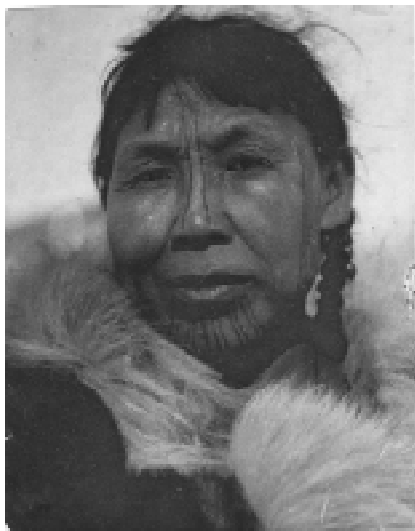
Категория КМНС была выделена в 1925 – 1926 гг. усилиями сотрудников Комитета Севера (Комитет содействия народностям северных окраин) при ВЦИКе СССР для оказания им помощи в экономическом и культурном развитии. Тогда их называли “малыми народностями Севера”, для выделения которых пользовались следующими критериями: 1) малая численность; 2) ведение оленеводческого и промыслового хозяйства (охота и рыболовство); 3) кочевой и полукочевой образ жизни; 4) низкий уровень социально-экономического развития.

С тех пор изменилось их общее название (с начала 1990-х гг. – КМНС) и список увеличился с 26 до 30

народов. К их числу были дополнительно причислены кумандинцы, телеуты (причисленные ранее к татарам и алтайцам), тоджинцы (этнографическая группа тувинцев) и шорцы. Все они, в отличие от КМНС, выделенных ранее, живут не на севере, а на юге Сибири. На этот статус КМНС претендуют камчадалы (числились среди русских старожилов Камчатки), чулымцы или чулымские тюрки (учитывались в составе хакасов и татар Сибири), а также керекы (несколько семей относили к корякам).

Расселение

Из числа КМНС только саамы и часть ненцев живут на севере Европейской России (саамы – на Кольском полуострове), остальные – в Сибири. На Урале и за Уралом расселились манси, на севере Западной Сибири, в бассейне Оби – ненцы, ханты, селькупы. На севере Восточной Сибири – территории проживания кетов (Енисей), нганасан, энцев, долган и нен-

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА,

© Министерство окружающей среды, Республика Финляндия, 1999. Подготовлено И.Г.Клюевой, Институт этнологии и антропологии РАН. Для книги

СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Уральско-юкагирская семья

- Саамы
- Манси
- Ханты
- Ненцы
- Нганасаны
- Селькупы
- Энцы
- Юкагиры
- Чуванцы

Алтайская семья

- Эвенки
- Эвены
- Нанайцы
- Ульчи
- Негидальцы
- Уйльта
- Орочи
- Долганы
- Кумандинцы
- Телеуты
- Шорцы
- Тувинцы-тоджинцы
- Тофалары

Чукотско-камчатская семья

- Чукчи
- Коряки
- Ительмены

Эскимосско-алеутская семья

- Эскимосы
- Алеуты

Народы, говорящие на изолированных языках

- Кеты
- Нивхи

"Российские «коренные» малочисленные народы Севера и Сибири". Под ред. Л.Силланта, Д.А.Функа, 1999 г.

ЧИСЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КМНС ПО РЕГИОНАМ (по данным Госкомстата)

Административная единица, народ	1989	1998
Мурманская обл.	1 226	1 222
Саамы	1 071	1 102
Республика Коми	125	70
Ненцы	100	67
Ненецкий АО	5 637	6 505
Ненцы	5 617	6 489
Ямало-Ненецкий АО	26 348	31 418
Ненцы	18 526	22 657
Ханты	6 209	7 176
Селькупы	1 357	1 449
Ханты-Мансийский АО	12 886	15 241
Ханты	8 151	9 327
Манси	3 874	4 723
Ненцы	785	1 161
Томская обл.	1 620	2 031
Селькупы	914	1 244
Ханты	564	696
Таймырский АО	8 027	8 591
Долганы	4 554	4 848
Ненцы	2 255	2 486
Нганасаны	805	829
Энцы	90	116
Эвенкийский АО	2 990	3 248
Эвенки	2 735	3 064
Красноярский край*	12 665	13 077
Кеты	863	920
Иркутская обл.	1 709	1 564
Эвенки	1 046	933
Тофалары	597	631
Читинская обл.	1 358	1 049
Эвенки	1 169	1 043
Республика Саха (Якутия)	20 058	21 279
Эвенки	12 017	12 968
Эвены	6 759	6 448
Долганы	373	894

Административная единица, народ	1989	1998
Юкагиры	501	544
Республика Бурятия	1 399	1459
Эвенки	1 286	1 456
Чукотский АО	14 088	14 433
Чукчи	10 943	11 056
Эскимосы	1 243	1 509
Эвены	1 152	1 155
Чуванцы	498	481
Корякский АО	8 347	8 929
Коряки	5 149	5 566
Чукчи	1 430	1 472
Ительмены	1 041	1 061
Эвены	652	800
Магаданская обл.*	16 916	–
Эвены	2 743	1 321
Коряки	872	761
Ительмены	237	332
Хабаровский край	16 069	18 474
Нанайцы	6 755	7 992
Эвенки	3 063	3 841
Ульчи	2 185	2 438
Эвены	1 473	1 463
Нивхи	1 333	1 508
Удэгейцы	499	412
Негидальцы	336	383
Орочи	295	371
Амурская обл.	1 546	1 364
Эвенки	1 487	1 360
Приморский край	1 071	984
Удэгейцы	649	702
Сахалинская обл.	1 238	1 518
Нивхи	892	1 199
Орочи	113	129
Ороки	19	5

* С учетом Таймырского, Эвенкийского и Корякского АО.

Нганасаны

цев (Таймыр), восточнее – юкагиров (Колыма), на северо-востоке расселились чуванцы, чукчи, коряки, эскимосы (Чукотский полуостров), на Камчатке – коряки и ительмены, на Командорских островах – алеуты. На юге Восточной Сибири живут тофалары, на Дальнем Востоке (Приамурье, Приморье, Сахалин) – нивхи, ульчи, нанайцы, орочи, ороки (ульта), негидальцы и удэгейцы. Эвенки расселились наиболее широко – от Енисея до Тихого океана, а эвены – на северо-востоке Сибири и побережье Охотского моря.

Происхождение и языковая характеристика

Антропологическая характеристика КМНС многообразна. На Кольский полуостров люди проникли в VII–VI тыс. до н.э. Саамы формировались в I тыс. н.э. в окружении финно-угорских народов.

Сложение финно-угорских и самодийских народов (урало-юкагирская семья языков) многокомпонентное, в нем приняли участие как аборигенные северные племена охотников на дикого оленя и рыболовов уральской неолитической культуры IV – III тыс. н.э., так и южные племена кочевников-скотоводов (угров, самодийцев), пришедшие из степей и лесостепей Казахстана, южного Урала и Алтая. Следы южного влияния в культуре очень заметны у хантов и манси, а в языке – у самодийцев. Волны самодийцев с Алтая и Саян достигли Ямала, Гыдана и Таймыра и слились с аборигенным досамодийским населением в районах расселения тундровых ненцев, дав начало формированию самодийских народов. Все эти народы, включая саамов и юкагиров, составляют одну большую урало-юкагирскую семью языков, которая делится на самодийскую, финно-угорскую и юкагирскую группы или ветви. В основе их формирования лежит древняя (неолит и бронза) уральская культура, памятники которой обнаружены на территории Приуралья, Прикамья, Урала и Западной Сибири.

Нганасаны складывались на основе смешения самодийских и тунгусских племен с аборигенным палеосибирским населением.

Предки кетов (енисейцы), язык которых обособлен, также обитали прежде южнее (верховья Иртыша, Томи, Енисея, Абакана) и были вытеснены на север в IX – XIII вв. под давлением кочевников, а в XVIII – XIX вв. – далее на север (Турухан, Курейка). Другая большая группа языков – алтайская – делится на две обширные ветви – тюркскую и тунгусо-маньчжурскую. Далекими предками тунгусо-маньчжурских народов были неолитические племена Прибайкалья и Забайкалья. Начиная с I тыс. н.э., с подвижками тюрков и монголов, они стали расселяться севернее (до Таймыра), западнее (до правых притоков Оби) и восточнее (до Охотского моря). Часть предков тунгусо-маньчжуров ушла на юго-восток – в Приамурье и Приморье, слившись там с местными неолитическими племенами охотников и рыболовов, а также пришельцами из юго-восточной Азии, дав толчок к формированию ульчей, нанайцев и других народов региона. В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. здесь расселялись тунгусо-маньчжурские племена мохэ, оказавшие большое влияние на сложение и развитие культуры народов Приамурья. Особый язык у нивхов, являющихся потомками древней аборигенной культуры, основанной на морском зверобойном промысле и рыболовстве. Народы этого региона очень тесно контактировали друг с другом, поэтому в их культуре много общего. В X – XIII вв. под давлением тюрков и монголов Южной Сибири, формировавших свои государства, на северо-восток уходят предки эвенов.

Коряки

Чукча

Удэгейцы (Амурская обл., 1999 г.),
фото Н. Мештыб

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ (РАСОВЫЕ, ФИЗИЧЕСКИЕ) ТИПЫ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ

Рассматриваемые народы РФ по признакам физической внешности довольно разнообразны. В научной литературе среди них выделяют несколько антропологических (или расовых) типов, которые рассматриваются исключительно как биологические, а не социальные объединения. По своему составу они чаще всего полиэтничны. Расовое разнообразие групп коренного населения документировано статистически надежным материалом – средними данными по мужским и этнически несмешанным выборкам.

На таксономическом уровне крупных антропологических подразделений у народов Севера и Сибири распространены в основном варианты большой монголоидной, или азиатско-американской, расы (народы Восточной Сибири и Дальнего Востока) и промежуточные евро-монголоидные варианты (народы Западной Сибири и кеты). Исключением является комплекс, описанный у саамов, положение которого в классификации остается спорным. Его относят либо к большой европеоидной (или евразийской) расе, либо к промежуточным вариантам.

Своеобразный лапоноидный антропологический тип характерен для всех групп саамов (российских и зарубежных). Небольшое ослабление выраженности европеоидных черт, низкий рост и лицо, относительное потемнение цвета волос и глаз заметно выделяют их из окружающего североевропеоидного населения. В целом это один из самых специфических и, очевидно, древних европейских комплексов. Лапоноидный тип сформировался на рубеже I – II тыс. н.э. в более южных лесных районах Северной Европы.

Уральская группа типов (“уральская раса”) характеризуется промежуточным между европеоидами и монголоидами комплексом черт физической внешности. Значительную роль в его формировании сыграло смешение между западными (приуральскими), восточными (зауральскими таежными) и южными (южносибирскими) древними популяциями. Своеобразие этого комплекса обусловлено также сохранением ранних расовых комбинаций в малочисленных и относительно изолированных популяциях. В последнее время для зауральских расовых вариантов вместо понятия “уральская раса” предложено понятие “западносибирская раса”. В данном промежуточном антропологическом массиве из числа народов Севера и Сибири наиболее европеоидны манси. У хантов, селькупов, ненцев и кетов, чьи территории компактного проживания расположены в более восточных и северных районах, монголоидные черты выражены сильнее. Угро-самодийские народы – ханты, селькупы и ненцы – характеризуются повышенным разнообразием своих локальных популяций. В среднем отмечено значительное сходство манси, хантов и южных селькупов. Южносибирское (алтае-саянское) направление расогенетических связей наиболее четко выявляется у кетов. Положение енисейского антропологического типа кетов в составе уральской группы типов дискуссионно.

Характеристики тюркоязычных народов южной части Западной Сибири – телеутов, шорцев, кумандинцев – представляют иной круг евро-монголоидных вариантов, которым свойственно увеличение доли центральноазиатского монголоидного компонента. В целом это промежуточные горно-таежные формы с неоднозначным мнением относительно их положения в классификации: южносибирская или уральская группа типов (раса), особый североалтайский тип. Уральская расовая тенденция сильнее всего выражена у шорцев.

У всех аборигенных народов, традиционно расселенных в районах восточнее р. Енисей, представлены монголоидные варианты, которые представляют одну из двух расовых общностей (рас) – североазиатскую и аркти-

Бабушка-нанайка с трубкой
(Амурская обл., 1999 г.)

Чукчи, коряки, керекы и ительмены представляют чукотско-корякскую семью языков, эскимосы и алеуты – эско-алеутскую. Их происхождение связывается как с аборигенными, так и с пришлыми с юга племенами. Некоторые исследователи считают алеутов южной группой эскимосов, другие – самостоятельной этнической группой.

Юкагиры с начала I тыс. н.э. до XVI в. широко расселились в бассейнах Лены, Алдана, Вилюя и Олекмы. Под влиянием прихода на эти земли тунгусских и тюркских племен из Прибайкалья и Забайкалья они были частично оттеснены к северо-востоку, частично ассимилированы. К XVII в. они остались лишь между Индигиркой и Анадырем. Один из юкагирских родов лег в основу чуванцев. Их язык утрачен, сейчас они говорят по-русски или по-чукотски, а в их культуре много общего с чукчами, коряками и русскими.

На тюркских языках говорят долганы, кумандинцы, телеуты, шорцы и тофалары. В основе их форми-

продолжение вставки 1.2

ческую. Это разные ветви генетического развития популяций в составе азиатских монголоидов – континентальная и тихоокеанская. Они часто объединяются общим названием “сибирские монголоиды”. Самая полиэтничная и географически обширная – это байкальская группа типов (или раса) в составе североазиатской общности. В нее включены характеристики, которые отмечены у тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, народы Амура и Сахалина), у северосамодийских народов (нганасаны, энцы), у тюркоязычных тофаларов и тувинцев-тоджинцев, а также у юкагиров и нивхов. В рамках байкальской группы выделен особый “катангский тип”, объединяющий характеристики нескольких этнических групп бассейна Енисея и территории Таймырского полуострова: тофаларов, тувинцев-тоджинцев, западных эвенков, энцев, нганасан. При этом в составе энцев есть основания допустить примесь южносибирского расового комплекса, в составе тюркских групп – центральноазиатского, у нивхов – курильского (“айнского”). В байкальском круге антропологических форм наиболее нейтральный комплекс характеризует юкагиров, а наиболее специфический – нганасан. Оба комплекса предположительно связаны с древним палеосибирским населением междуречья Енисея и Лены.

У тюркоязычных долган (соседний с нганасанами народ) преобладают черты центральноазиатской группы типов (расы) североазиатской общности. Это роднит их с якутами. Однако тенденция к сближению с эвенками тоже ясно выражена.

Народы северо-востока страны (чукчи, коряки, эскимосы, алеуты, ительмены) характеризуются монголоидными комплексами, которые объединяются в арктическую группу типов (расу). Здесь различают четыре группы, образованные азиатскими эскимосами и береговыми чукчами, оленными коряками и оленными чукчами, береговыми коряками и ительменами, алеутами. Эскимосские популяции Чукотки антропологически сходны с американскими эскимосами. Популяции данной этнической группы являются носителями комплекса расовых особенностей, промежуточных между сибирскими монголоидами и американскими индейцами.

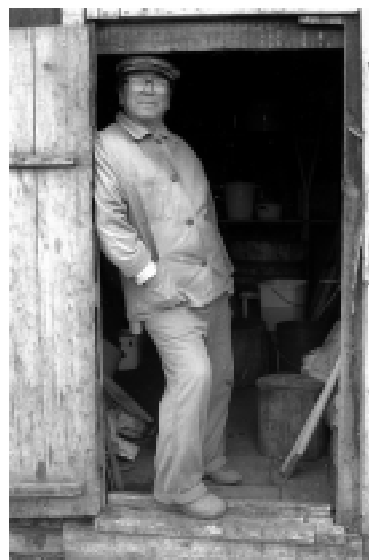
Для всех народов Севера и Сибири на протяжении их истории характерно межэтническое и, как следствие, антропологическое межрасовое смешение. Этот всемирный процесс, неравномерно идущий в разных частях человеческой ойкумены, приводит к изменению географии антропологических типов, к уменьшению расового разнообразия, к формированию новых устойчивых во времени комплексов черт, к изменению внешнего облика населения отдельных этнотерриториальных групп и целых регионов, даже к формированию новых этнических общностей. Интенсивность и диапазон межрасового смешения среди представителей народов Севера и Сибири существенно возросли в XX в. в связи с массовыми миграциями в районы их компактного проживания русскоязычного населения, отсутствием географических и социальных барьеров для межэтнических брачных контактов, политикой переселения аборигенов в поселки с многонациональным составом жителей, ослаблением действия норм традиционных брачных связей, а также по демографическим и психологическим причинам. В азиатской части страны сложились территориальные группы русского старожильческого населения с заметной долей аборигенной примеси (Индирикка, Колыма, Камчатка). С биологической точки зрения, процесс взаимного проникновения генофондов является позитивным для обеих сторон. Однако результаты этого процесса гораздо более ощутимы для малочисленных популяций.

Г.А. Аксянова

рования также очень древние племена коневодов и земледельцев юга Сибири, постоянно передвигавшиеся со скотом с запада на восток и с юга на север и контактировавшие друг с другом. Тюркские народы расселились от Урала до Охотского моря, в основном на юге Сибири.

Формирование таких современных народов, как кумандинцы и шорцы, относится к XVII – началу XX в., когда процессы объединения разнородного тюркоязычного населения были существенным образом ускорены в связи с включением их в состав Российского государства. Современные телеуты Кемеровской области также являются довольно поздней по времени сложения этнической группой. Телеуты, ачкыштымы, тьюльберы и ряд иных групп оформились в единый народ не ранее середины-конца XIX в., практически одновременно с алтайцами (алтай-кижи).

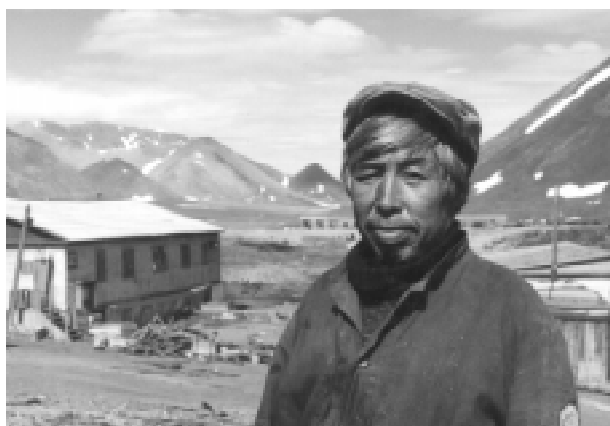
Самый северный из тюркских народов – долганы – имеют свои особенности в истории и культуре. Они

Эскимос

ЧИСЛЕННОСТЬ КМНС В 1989 Г. (РСФСР) И 2002 Г. (РОССИЯ)

Народ	1979 г. (чел.)	Численность			
		1989 г. (чел.)	% к 1979 г.	2002 г. (чел.)	% к 1989 г.
Алеуты	489	644	131,7	592	91,9
Долганы	4911	6 584	134,8	7330	105
Ительмены	1335	2429	181,9	3474	143
Кеты	1072	1084	101,1	1891	174,4
Коряки	7637	8942	117,1	9077	110
Манси	7434	8279	111,4	11573	133,9
Нанайцы	10357	11883	114,7	12355	104
Нганасаны	842	1262	149,9	879	69,6
Негидальцы	477	587	123,1	806	137,3
Ненцы	29487	34190	115,9	41454	121,2
Нивхи	4366	4631	106,1	5287	114
Ороки (ульта)	–	179	–	432	241,3
Орочи	1040	883	84,9	884	100,1
Саамы	1775	1835	103,4	2132	116,2
Селькупы	3518	3564	101,3	4367	125,5
Тофалары	576	722	125,3	1020	141,3
Удэгейцы	1431	1902	132,9	1665	87,5
Ульчи	2494	3173	127,2	3098	97,6
Ханты	20743	22283	107,4	28773	129
Чуванцы	–	1384	–	1300	93,9
Чукчи	13937	15107	108,4	15827	104,7
Эвенки	27941	29901	110,6	35377	118,3
Эвены	12452	17055	137	19242	112,8
Энцы	–	198	–	327	165
Эскимосы	1460	1704	116,7	1798	105,5
Юкагиры	801	1112	138,8	1529	137,5
Итого	156575	181517	116,4	212489	117
Кереки	–	–	–	22	–
Тазы	–	210	–	291	138,5
Итого		181727		212802	117
Кумандинцы	–	–	–	3123	–
Телеуты	–	–	–	2658	–
Тоджинцы	–	–	–	36230	–
Шорцы	–	15745	–	14018	89
Итого	–		–	268831	–
Камчадалы	–	–	–	2422	–
Сойоты	–	–	–	2833	–
Теленгиты	–	–	–	2614	–
Тубалары	–	–	–	1569	–
Челканцы	–	–	–	864	–
Чулымцы	–	–	–	661	–
Итого	–	–	–	279794	–

Эскимос

позднего происхождения (XVII – XIX вв.). Долганы говорят на диалекте якутского языка, а в их культуре соединяются черты тунгусской, якутской и русской культур, чувствуется влияние энцев, нганасан, эвенков.

На севере России и в Сибири много пришлого населения. Его численность превышает общее количество представителей коренных народов более чем в десять раз. Так, если население Сибири в 1989 г. составляло свыше 32 млн. человек, а вместе с Европейским Севером – свыше 40 млн. человек, то численность коренных народов не превышала 2 млн. человек, в т.ч. КМНС – менее 200 тыс. человек.

Среди этого пришлого населения по численности выделяются русские, появившиеся здесь еще в XVI – XVII вв. С тех пор сложились группы русских ста-

рожилов, занимавшихся промысловым хозяйством и воспринявших ряд достижений культур народов Севера. От остального русского населения они отличаются определенным своеобразием языка и культуры. Это поморы Европейского севера, жители севера Сибири – русско-устыинцы или индигирщики, колымчане (среднеколымцы, нижнеколымцы, походчане) в Якутии, усть-енисейцы, обские старожилы, затундренные крестьяне, а также различные группы староверов.

Другие пришлые народы, представленные обширными группами (несколько десятков и даже сотен тысяч человек), – украинцы, белорусы, татары, мордва и др.

Таким образом, вся длительная история народов Севера и Сибири показывает, что для них и их предков характерны постоянные миграции и контакты.

Этнодемографическая ситуация в XX веке

В XX в. традиционное расселение и численность народов Севера и Сибири значительно изменились. Этот процесс начался в 1920 – 1930-х гг. с проведением политики коллективизации, созданием колхозов, строительством новых поселков и переселением в них населения.

В военное и послевоенное время стала бурно развиваться промышленность. На север стали вербовать жителей европейской части страны. Все это оказывало влияние на расселение коренных народов, способствовало межэтническим контактам. В 1950 – 1970-х гг. по всей стране проводилась политика укрупнения хозяйств (колхозов, совхозов) или их реорганизация в госпромхозы и коопзверопромхозы, сопровождавшаяся укрупнением селений с ликвидацией т.н. “неперспективных” деревень. Почти одновременно продолжалось и активизировалось развитие золотодобывающей, лесной, нефтегазовой промышленности, вытеснявшее людей с насиженных

Орочи

Ребенок и олени (Республика Тыва, 2000 г.)

мест – отторгались и загрязнялись угодья. Особенно сильно повлияла на изменения расселения коренных народов (больше всего – КМНС) политика сселения и оседания кочевого населения (при этом под кочевым населением понимались почти все представители КМНС, ведущие подвижный образ жизни, связанный с хозяйственной деятельностью, в т.ч. и рыболовы, имевшие зимние долговременные селения, существовавшие веками).

По данным переписей населения, с 1926 по 1989 гг. численность коренных народов данного региона России постоянно росла: больше – у малых по численности народов, в меньшей степени – у численно больших народов; у отдельных малочисленных народов естественный прирост был отрицательным. Общая численность народов Севера и Сибири в 1989 г. – 1 827 277 человек, из них большие по численности народы (буряты, якуты, карелы и др.) составили 1 645 750 человек, малые – 181 517 человек. Общий прирост с 1979 г. составил 14,6%, у больших народов – 14,4%, у малых – 16,4% (по РСФСР)².

До 1990 г. в численности КМНС, живших в пределах СССР, проявлялась стойкая тенденция роста: с 1959 по 1970 г. – на 16,6%, с 1970 по 1979 г. – на 3,3%, с 1979 по 1989 г. – на 16,4%³. В основном это происходило за счет очень высокой рождаемости. Отрицательные показатели в 1989 г. были характерны для кетов (-0,8%), тофаларов (-4,2%), энцев (-30%), малый прирост – для селькупов (+1,3%), саамов (+0,1%). Прослеживалась тенденция роста городского населения: в 1970 г. – на 7,5%, в 1979 г. – на 5,3%, в 1989 г. – на 3,1%. По автономным округам эти показатели были ниже: соответственно 6,4%, 2,1%, 1,5%⁴.

Бабушка и внук (ороки, п. Ноглики)

Телеуты (Кемеровская обл., 1999 г.)

Современная общая численность коренных народов Севера и Сибири может быть определена по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. Численность 26 КМНС выросла по сравнению с 1989 г. на 17% (212 802 чел. – с учетом выделенных кереков и тазов, которых ранее относили к корякам и удэгейцам).

Из 26 КМНС уменьшилась численность четырех народов – алеутов, нганасан, ульчей и чуванцев. Уменьшение числа удэгейцев следует объяснить выделением тазов (общее число удэгейцев и тазов – 1 956 чел. против 1 902 чел. в 1989 г.). Почти в 2,5 раза выросло число ороков (ульта). В большой степени это связано с более точным учетом при переписи (с использованием самоназвания *ульты*) и ростом самосознания. Значительно (от 20 – 30 до 70%) выросла численность ненцев, селькупов, хантов, юкагиров, негидальцев, тофаларов, ительменов и кетов. Если же рассматривать численность 30 КМНС (с кумандинцами, телеутами, тувинцами-тоджинцами и шорцами), то теперь их насчитывается 268 831 человек. Сравнение с 1989 г. можно провести лишь по шорцам и тазам: численность шорцев уменьшилась на 11%, а тазов – увеличилась на 37,5%. Численность всех малочисленных народов Севера и Сибири Российской Федерации (включая камчадалов, теленгитов, тубаларов, челканцев и чулымцев) составила 279 797 человек.

Эти данные опровергают многие экспертные оценки последних десяти-пятнадцати лет, касающиеся проблемы “вымирания КМНС”. Появились термины “вымирание КМНС”, “исчезающие малочисленные народы”, “угрожающий характер демографической ситуации”⁵. По данным Института цитологии и генетики СО РАН и Института проблем малочисленных народностей Севера СО РАН, свыше десяти народов находятся “на грани потери генофонда, языка и культуры, т.е. накануне исчезновения как народы”⁶.

Сотрудниками этих институтов отмечено снижение естественного прироста КМНС с 1990 по 1998 г. в среднем в 2,3 раза.

Надо сказать, что об этом свидетельствовали и оперативные данные 1990 – 1999 гг. по сельскому населению КМНС⁷. По данным Госкомсевера РФ на 01.01.97 численность КМНС в целом с 1989 г. выросла на 61 чел., но по большинству народов (18 из 26) статистику 1997 г. повторила перепись 1989 г., т.е. в целом она условна и ненадежна. Общая численность КМНС по территориям на 01.01.95 – 196 130 чел., по народам на 01.01.97 – 193 217 чел., но это вместе с шорцами, кумандинцами, телеутами и тоджинцами (к 1997 г. их численность указана не совсем точно – 30 700 чел.)⁸. Судя по этим данным, с 1989 по 1997 г. общая численность 26 КМНС снизилась (по РСФСР) со 181 517 чел. до 162 517 чел. (на 10,5%). Эти данные, на наш взгляд, были недостаточно точны, что и подтвердила перепись 2002 г.

В связи с развалом СССР и отсутствием переписных материалов с 1989 г. (до 1990-х гг. учет КМНС был поставлен лучше) в период с 1989 по 2002 гг. можно было оперировать данными только по сельскому населению РФ. Госкомстат РФ и Госкомсевер РФ имели такие данные с 1995 по 1999 г. Эти материалы не могли дать полного и исчерпывающего ответа на вопрос об абсолютном приросте или уменьшении численности КМНС, т.к., во-первых, оставались неизвестными сведения о численности городского населения; во-вторых, они основывались на данных естественного прироста (он был отрицательным) и не учитывали фактор роста самосознания. Если исходить из официальных данных Госкомстата по естественному приросту КМНС за последние 5 лет (1995 – 1999), то положительным он был у долган, манси, ненцев, тувинцев-тоджинцев, удэгейцев, ульчей, хантов, чукчей, чуванцев, эвенков, эвенов и эскимосов, а отрицательным – у энцев и ороков. Поло-

жительным или отрицательным в разные годы за это пятилетие он был у алеутов, ительменов, кетов, нганасан, негидальцев, орочей, саамов, чуванцев и шорцев. Он был положительным, но снизился к 1999 г. у ительменов, коряков, кумандинцев, нанайцев, нивхов, телеутов, тофаларов, удэгейцев, юкагиров, а повысился лишь у селькупов. По более поздним данным (1996 – 2002 гг.) естественный прирост у всех КМНС был положительным (с 1 008 чел. – в 1996 г. до 777 чел. – в 2002 г.) При этом положительный естественный прирост был у 21 КМНС, отрицательный – у 9 (алеуты, ительмены, кумандинцы, нанайцы, нганасаны, орочи, саамы, шорцы и энцы)⁹.

По некоторым данным получалось, что сельское население 26 КМНС увеличилось с 1989 г. по 1995 г. на 17,1% (30 КМНС – на 20,4%). В начале 1990-х гг., с распадом СССР, началом реформ и развитием рыночных отношений, КМНС оказались в очень тяжелом положении – без опеки государства и материальной поддержки, без налаженной системы здравоохранения, образования и снабжения, а также других мер социальной защиты, к которым они привыкли. Многим пришлось перейти на натуральное хозяйство, чтобы прокормить семью и выжить. Часть семей переселилась из городов в поселки, из поселков – в тайгу и тундру, на места прежних сезонных селений и стойбищ. Можно предположить, что численность сельского населения в связи с этим несколько увеличилась. Это особенно касается оленеводов – ненцев, долган, коряков, чукчей, отдельных групп хантов, манси, эвенов, эвенков и др. В то же время численность сельского населения в 1995 г. уменьшилась у 8 народов, среди которых снова встречаются кеты. Резко упала численность сельского населения у ороков. Однако эти данные можно объяснить отнесением части ороков к орочам (в официальных документах они были записаны ороченами).

С 1995 по 1999 г. численность сельского населения у КМНС (по данным Госкомстата РФ) почти ежегодно уменьшалась. Незначительно (от 0,4 до 9,7%)

Вид на пос. Восяхово (Шурышкарский р-н, ЯНАО, 2003 г.)

Эвенское стойбище на р. В. Картычан (приток р. Омолон, 2002 г.)

она увеличилась у ульчей, селькупов, нанайцев, манси, долган, энцев, ненцев, кетов, кумандинцев и тофаларов. В этом списке кеты и тофалары, для которых в прошлые годы (до 1989 г.) были характерны тенденции уменьшения общей численности населения, снова оказались с отрицательными показателями. Однако общие данные переписи 2002 г. говорят о другом: численность кетов и тофаларов увеличилась.

По тем же данным во всех регионах проживания КМНС в 2000 г. всего наличного населения было 1 471,2 тыс. человек (в 1990 г. – 1 761,4 тыс., т.е. сокращение составило 16,5%). Городское население сократилось на 24%, сельское – на 9%. Особенно сильное сокращение произошло на Чукотке (более чем в 2 раза), в Магаданской области (на 46,8%), Корякском, Таймырском и Эвенкийском АО, Камчатской, Сахалинской, Мурманской, Читинской и Иркутской областях, а также в Красноярском крае (на 20 – 25,6%). Почти неизменным оно осталось в Амурской, Кемеровской, Свердловской областях. Выросла численность сельского населения в Томской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Это свидетельствует об общем характере демографической ситуации в Сибири и на Севере: сокращение общей численности всего наличного населения за счет миграции пришлого (особенно на северо-востоке страны), увеличение городского населения, а в ряде регионов, напротив, – сельского.

Таким образом, многие из этих сведений (чаще всего это оперативные данные местных администраций) оказались недостоверными.

Увеличение численности некоторых КМНС к 2002 г. можно объяснить ростом их самосознания (некоторые в последние годы “переписались” из русских в КМНС). Например, самоназвание *селькупы* характерно только для их северной (тазовско-туруханской) группы и в 1950-х гг. не было принято южной (нарымской) группой, т.е. не было всеобщим. Их называли (в т.ч. и в официальных документах) *остяками*, как хантов, *остяко-самоедами* и даже *туземцами*). Теперь

Подготовка ледника (Хабаровский край)

обе группы объединились под этим этнонимом, чему способствовало создание в начале 1990-х гг. ассоциации “Колта куп” и рост самосознания. Следствием этого является и некоторое увеличение численности селькупов и к 1999 г., и к 2002 г. Относительно ороков (ульта) можно сказать то же самое. По данным экспертов¹⁰, в 1999 г. только в одном с. Вал на о-ве Сахалин было 114 ороков. По данным Госкомсевера в 1997 г. ороков насчитывалось 179 человек. По данным Сахалинской администрации в 1999 – 2000 гг. на Сахалине проживало 352 орока. Перепись 2002 г. показала наличие 432 ороков (ульта).

У оленоводов ненцев, тофаларов, эвенов, эвенков, долган и некоторых других можно с уверенностью констатировать естественный прирост сельского населения. Исследования ученых среди этих народов в последние годы подтверждают их более благополучное положение, чем охотников и рыболовов.

В 1979 г. в СССР (за пределами РСФСР) проживало 2 249 человек КМНС, в 1989 г. – 2 961 человек. Вполне вероятно, что за последующие 13 лет эти почти 3 тыс. человек вернулись на территории своего первоначального расселения, что и увеличило общую численность КМНС в Российской Федерации в 2002 г. Тем не менее, значительный рост численности КМНС в 2002 г. знаменателен. Он подтвердил мнение отдельных экспертов, выраженное В.А. Тишкова в 2000 г.: “Вся риторика о вымирании сибирских народов является беспочвенной”¹¹.

В 1989 г. **городское население** КМНС составляло 25,9% от общего числа. По экспертным оценкам сейчас это 25%, но, судя по тенденциям прошлых десятилетий (1959 г. – 10%, 1970 – 17,5%, 1979 – 22,8% – по СССР), оно должно вырасти. Хотя численность сельского населения могла увеличиться за последнее десятилетие и за счет переселения части поселкового населения в сельскую местность в связи с выделением КМНС территорий традиционного природопользования (в т.ч. “родовых угодий”). Окончательное подведение итогов переписи 2002 г. покажет сложившуюся ситуацию.

К 1989 г. **доля КМНС** в регионах постепенно сокращалась. В автономных округах она составляла не более 25%, чаще – от 1,6 – 6% до 15 – 17%, в других регионах – десятые и сотые доли процента. В литературе высказывались мнения, что этот процесс продолжает развиваться: “Доля коренных народов Севера в общей численности населения на территории их проживания устойчиво снижается и составляет менее 1%. На селе этот показатель выше – около 15%”¹². Действительно, в начале 1990-х гг. такая ситуация сохранялась, однако в последние годы во многих регионах положение начало меняться в связи с сокращением развития нефтегазовой и другой промышленности и отъездом пришлого населения. В последнее десятилетие из северных регионов люди стали выезжать на “материк” (Чукотка, Эвенкия и др.). Например, доля пришлого населения в долганских и долгано-нганасанских поселках была 20 – 25%, а сейчас – 5 – 15%. В Корякском АО доля КМНС в общей численности населения в 1990 г. составляла 25,6%, а в 1995 г. – 33,2%; в Магаданской области – 27% в 1997 г. против 10,2% - в 1985 г.¹² Из двадцати трех поселков кетов Туруханского района в двух кеты составляли свыше 50% населения, в двух других – одну треть, еще в двух – одну четверть, в четырех – от 11,6 до 17,2%, в следующих двух – от 3 до 7,4%, в трех – 1,3 – 1,7%, в семи – менее 1%¹³. Таким образом, эти процессы сейчас в регионах идут по-разному, поэтому их следует изучать.

Это относится и в целом к проблеме демографии КМНС на современном этапе. Наряду с сохранением отдельных тенденций (уменьшение численности отдельных народов, рост городского населения), появляются и новые – некоторый естественный прирост населения (особенно среди оленоводов), увеличение доли КМНС в общей численности населения в некоторых поселках в связи с оттоком пришлого населения, а в отдельных случаях – рост сельского населения за счет городского, рост общей численности КМНС благодаря подъему национального самосознания и возможности свободно определять этническую принадлежность детей в межнациональных браках.

Если сравнивать общую численность сельского населения КМНС в 1995 – 2000 гг. **по возрасту** (данные Госкомстата), то окажется, что до 15 лет и старше трудоспособного возраста она сокращалась, а в трудоспособном возрасте – росла, что соответствует тенденциям в целом по РФ. При этом у КМНС больше детей до 15 лет (36,6% против 20,8% общероссийского и 23% российского сельского населения), но меньше трудоспособных (54,3% против 59,3% общероссийских и 54,1% российских сельских показателей), а также лиц старше трудоспособного возраста (8,1% против 20,7 и 22,9% соответственно).

По сравнению с российскими показателями, детей меньше у кумандинцев, а стариков меньше (по сравнению с общими показателями по всем КМНС) у нганасан, эскимосов, чуванцев, нивхов (5 – 5,7%), чукчей, кетов, алеутов, тофаларов, юкагиров (6 – 6,9%), орочей, коряков, хантов, нанайцев, эвенков, тувинцев-тоджинцев (7 – 7,9%).

Если же говорить о соотношении населения по полу, то с 1995 по 2000 г. оно не изменилось. Сохраняется общая тенденция преобладания числа женщин (51,7% против 48,3%; общероссийские показатели – 53,1 и 46,9%, по российскому сельскому населению – 52,4 и 47,6%). Мужчин больше на 1,4%, а женщин меньше на 1,4%, чем в целом по России. На тысячу мужчин девочек (до 15 лет) меньше, а трудоспособных женщин – больше, женщин старше трудоспособного возраста – в 2 раза больше. По народам данные различаются: у энцев, удэгейцев, саамов, тофаларов, шорцев и кетов женщин меньше, чем мужчин. При этом их больше в возрастах старше трудоспособного, но меньше – в трудоспособном и детском возрастах.

Межэтнические процессы

На уменьшение численности КМНС влияют межэтнические отношения с пришлым населением, особенно национально-смешанные браки. Их количество в 1970 – 1980-х гг. в среднем не превышало 10 – 18%, достигая в отдельных случаях и контактных зонах 28 – 48%, редко – до 50 – 60%¹⁴. Большинство семей нарымских (обских) селькупов в 1970 – 1980-х гг. были смешанными по национальному составу. В 1981 – 1985 гг. таких браков было уже 97%. У кетов национально-смешанные семьи в конце 1930-х гг. составляли 10%, в конце 1960-х гг. – 23,7%, а в начале 1990-х гг. – 58,9% (из них с народами Севера 8,7% браков, а с представителями европеоидной расы 50,2%)¹⁵.

В последнее десятилетие число межнациональных браков выросло. Например, у саамов доля та-

Вид на с. Монгол (Хабаровский край)

ких браков составляет 80 – 90%¹⁶. Дети от национально-смешанных браков в отдельных районах Мурманской и Тюменской областей, Красноярского и Хабаровского краев составляют до 70 – 80% всех детей. Ежегодно от 34 до 84% отцов родившихся детей принадлежат к иной национальности, чем их матери, относящиеся к КМНС. В с. Вал на о-ве Сахалин из 18 браков 14 были межнациональными (1999 г.)¹⁷.

Можно отметить следующие факторы, влияющие на рост межнациональных браков и метисацию: 1) численность народа (чем она меньше, тем активнее процессы смешения); 2) инонациональное окружение, доля КМНС в общей численности населения региона (чем ниже этот процент, тем активнее процессы метисации); 3) отсутствие или наличие традиционных отраслей хозяйства, особенно оленеводства (у оленеводов ненцев и долган, в отличие от охотников и рыболовов кетов, тофаларов и нганасан, метисация слабее); 4) наличие льгот КМНС (отнесение детей от смешанных браков к КМНС).

Метисация нередко ведет к **ассимиляции**. Это всеобщий процесс, через него проходят все народы мира. Однако для малых по численности этнических групп он может закончиться их полным исчезновением. В то же время нельзя забывать о том, что традиционная государственная политика патернализма по отношению к КМНС, политика различных льгот, а в последнее десятилетие практика наделения КМНС территориями традиционного природопользования тормозят ассимиляцию. Этому способствует также отсутствие графы “национальность” в паспорте, что облегчает идентификацию метисов с КМНС. Отмечены случаи, когда к КМНС относят себя люди, среди предков которых вообще не было народов Севера.

Надо сказать, что за вторую половину XX столетия изменилась структура КМНС. Часть их (эксперты относят к таковым до четверти населения) живет постоянно или значительный период времени в тайге или

Город Нарьян-Мар (2003 г.)

Интересное исследование проведено В.П. Кривоноговым в 1988 – 1994 гг. по семи КМНС (долганы, кеты, ненцы, нганасаны, тофалары, чулымцы и энцы), а среди кетов — в 1991 – 95 гг. На основе опроса населения и составления генеалогий было выявлено 6 групп населения: 1) т.н. “чистокровные” (у них до третьего поколения по восходящим линиям нет представителей других национальностей); 2) монголоидные метисы (потомки браков с представителями народов Сибири); 3) метисы с 1/8 примесей европеоидов; 4) метисы с 1/4 примесей европеоидов; 5) метисы с 3/4 примесей европеоидов; 6) метисы с 3/4 и более примесей европеоидов.

Смешанных семей в поселках при этом от 30 до 100%. В смешанные браки чаще вступают женщины, в связи с чем много неженатых мужчин (от 57,6 до 66,4%).

По возрастам динамика смешанных браков и метисации населения весьма показательна: чем старше люди, тем больше среди них чистокровных (в возрасте 70 лет чулымцев 75,7%, кетов 100%; долган 95%, тофаларов 88,9%, ненцев 87,5%, энцев 80%; у нганасан этот показатель равен 55%, хотя остальные 45% - с монголоидной примесью от браков с народами Сибири; в 50 – 69 лет 45,4 – 66,7% - у энцев, 77,7 – 90,9% - у ненцев и 71,8 – 87,7% - у долган) и меньше европеоидной примеси. К средним возрастам число европеоидных метисов растет у тофаларов и кетов (в 30 – 49 лет — от 20,0 до 41,6%). Дети младших возрастов у всех народов (особенно у кетов и тофаларов) имеют от половины до двух третей европеоидных примесей (до 10 лет — 63,5 – 87,5%). У оленеводов ненцев и долган свыше 40% детей до 10 лет — чистокровные.

По этим данным, наиболее бурно процессы размывания этносов идут у энцев и кетов. Но проходят они по-разному. Европеоидные метисы четверти кетов выбирают русскую национальность при идентификации (особенно в русских селениях). Численность этих групп снижается за счет ассимиляции. Южные кеты и тофалары, напротив, чаще относят себя в семьях европеоидных метисов к КМНС. Их численность стабильна или даже растет. Отдельные группы кетов, энцев, ненцев, нганасан и долган смешиваются и с европеоидами, и с монголоидами, но чаще относят себя к КМНС. Другие больше смешиваются с монголоидными народами Сибири и идентифицируют себя с ними. Их число несколько растет или убывает (северные энцы, восточные нганасаны). Восточные долганы и левобережные нганасаны смешиваются мало. Наконец, ненцы-олeneводы низовьев Енисея не заключают браков с европеоидным населением.

Характерны цифры, свидетельствующие о том, к кому относят себя по самосознанию метисы КМНС. К народам Севера относят себя: 1) метисы от браков с монголоидными народами Сибири: все тофалары, 76,3% кетов, 64,7% ненцев, 55,7% нганасан, 54,1% долган, 38,3% энцев; 2) потомки от браков с европеоидными народами, пришлыми в Сибирь: у 93,3% тофаларов, 88,4% нганасан, 87,4% долган, 74,6% ненцев, 66,8% кетов, 45,7% энцев. Все это говорит о том, что чаще всего потомки смешанных браков идентифицируют себя с коренными народами региона.

На основании этих исследований В.И. Кривоногов сделал следующий прогноз. Ненцы-олeneводы сохраняют свой язык, культуру и антропологический облик. Энцы, кеты и тофалары будут полностью ассимилированы и станут метисами (энцы — с монголоидной примесью, кеты и тофалары — с европеоидной). Нганасаны наполовину смешаются с долганами, наполовину станут европеоидными метисами. У долган процессы метисации развиваются медленнее и, возможно, затормозятся. Смешанные браки с представителями соседних народов Сибири меньше влияют на этнокультурные процессы в связи со сходством хозяйственно-культурного типа и языка.

Данные взяты из кн.: **Кривоногов В.П.** Русскоязычные метисы? // Народы Сибири: права и возможности. – Новосибирск, 1997.

тундре, вне поселков, занимается традиционными отраслями хозяйства и ведет традиционный уклад жизни. Для них по-прежнему действительны три из четырех критериев, по которым в 1920-х гг. были выделены народы Севера: малая численность, ведение традиционного хозяйства, подвижный образ жизни. В 1989 г. четверть населения составляли городские жители (не меньше их и сейчас), у некоторых народов – до 50% и более. Наконец, часть КМНС живет в поселках и не занимается традиционным хозяйством. Для данных категорий населения эти критерии уже не актуальны: они живут в иных условиях¹⁸. Демографические и этнические процессы проходят в среде каждой из данных групп населения по-разному. К сожалению, почти не изучается городское население КМНС, а также процессы, проходящие среди населения разных категорий или групп.

Миграционные процессы начались на Севере и в Сибири еще в глубокой древности. В XVII в. сюда переселялись сотни, а позднее и тысячи крестьян, казаков, промышленников и торговых людей в связи с освоением региона. В XX в. было несколько периодов бурных миграционных процессов. Для многих народов Севера и Сибири они были достаточно интенсивны в 1930 – 1940-х гг., когда проходила коллективизация, затем – раскулачивание, борьба с шаманством, продолжавшаяся и в послевоенное время. Многие люди были вынуждены покинуть родные места. В этот же период начались массовые высылки на Север и в Сибирь спецпереселенцев, строительство лагерей для заключенных (хотя Сибирь и раньше была местом ссылки). Все это перекраивало территорию традиционного расселения народов Севера и Сибири. Их миграции стали постоянными,

особенно к 1989 г., после проведения политики оседания и сселения людей, а также промышленного бума.

Особенно характерен массовый наплыв в эти регионы пришлого населения разных национальностей. Так, например, в Ханты-Мансийском АО в 1930-е гг. проживало около 50 – 60 тыс. чел., а в 1989 г. – 1 282, 4 тыс. чел., из которых 1 млн. чел. (89%) приходился на 10 городов (9 из них были новыми)¹⁹. В последнее десятилетие эти процессы несколько приостановились. Однако здесь все еще появляются вынужденные переселенцы, беженцы из кавказских республик (в Западной Сибири на 01.01.99 их было свыше 161 тыс. чел., в Восточной Сибири – свыше 30 тыс. чел., на Дальнем Востоке – около 5 тыс. чел.). Распад Советского Союза стимулировал миграцию.

Миграционные потоки в Эвенкийском АО в 1995 – 1996 гг. составили 449 чел. Миграционная убыль населения в Мурманской области в 1991 – 1999 гг. составила 147,2 тыс. чел., хотя миграционная активность снизилась. Продолжаются миграции из села в город. В целом темпы миграционных процессов снизились: в 1990 г. убыло 12 287 чел., в 1999 г. – 585 чел.

В последние два десятилетия представители КМНС больше стали расселяться за пределы территорий традиционного проживания. Например, алеуты зафиксированы в 1989 г. (кроме Камчатки и Магаданской обл.), в Бурятии, Красноярском крае, Мурманской, Томской и Читинской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО; саамы (кроме Мурманской обл.) – в республиках Коми и Бурятии, в Ненецком и Таймырском АО, Амурской, Иркутской, Тюменской, Томской и Сахалинской областях, Красноярском, Приморском и Хабаровском краях. По данным 1991 – 1995 гг. доля приезжих кетов в поселках составляла от 16,9 до 77,3%²⁰.

Таким образом, демографические процессы, протекающие среди народов Севера и Сибири, неоднозначны и многообразны. Их нельзя свести лишь к проблеме “вымирания” малочисленных народов, как подчас это следует из экспертных оценок.

В целом у КМНС снизилась рождаемость (кроме оленеводов ненцев и долган), повысилась смертность (особенно среди лиц старшего трудоспособного возраста). Положительный естественный прирост вероятен у ненцев, тофаларов, долган и некоторых других народов, занимающихся оленеводством. Сильна тенденция ассимиляции КМНС. Об этом говорит рост числа межнациональных браков и смешанных семей. Напомним, что процессы ассимиляции отнюдь не означают вымирания народа, хотя такие малочисленные народы, как энцы, алеуты и кеты при этом почти полностью теряют свою этническую самобытность, в т.ч.

Эвенская хозяйственная постройка (Якутия)

и генетические особенности, которые способствуют адаптации этих этнических групп в экстремальных условиях Севера. С другой стороны, благодаря ассимиляционным процессам увеличивается численность КМНС в тех случаях, когда детям от межнациональных браков дается национальность КМНС, а таких случаев много.

Выводы и рекомендации

Госкомстату необходимо ежегодно централизованно учитывать демографию каждого из КМНС в целом (в т.ч. сельского и городского населения), а также по территориям проживания.

Необходим постоянный, ежегодный анализ рождаемости, смертности, естественного прироста, средней продолжительности жизни КМНС и других народов Севера.

Необходим комплекс мер для этнического и физического выживания КМНС:

- 1) осуществление государственной политики в отношении КМНС с точки зрения их дифференциации;
- 2) восстановление статистического учета КМНС по различным аспектам;
- 3) восстановление и улучшение прежней системы здравоохранения (кадры, лекарства, разъездные медицинские отряды);
- 4) законодательные и практические государственные меры к наделению КМНС угодьями для развития оленеводческого и промыслового хозяйства по их желанию);
- 5) жилое и иное строительство за счет промышленных предприятий;
- 6) налаживание системы снабжения, в т.ч. техникой и горючим;
- 7) помощь детям в получении образования, как среднего, так специального и высшего;
- 8) меры к улучшению экологии.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Алексеев В.П.* География человеческих рас. – М., 1974; *Рогинский Л.Я., Левин М.Г.* Антропология. – М., 1978; *Этническая одонтология СССР*. – М., 1979; *Дерматоглифика народов СССР*. – М., 1983; *Нганасаны*: антропологическое исследование. – М., 1992. – Вып. 1, 2; *Обские угры // Культурное наследие народов Западной Сибири: Мат-лы II Сиб. симпоз.* – Тобольск; Омск, 1999.
- ² *Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года.* Госкомстат РСФСР. – М., 1990; *Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980 – 1990).* – М., 1990.
- ³ *Народы Советского Севера (1960 – 1980 годы).* – М., 1991. – С. 7 – 24, табл. 1 – 6; *Народы Севера России.* – М., 1992. – Ч. 1. – С. 17 – 41.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Донской Ф.С.* Обсуждение Федеральной целевой программы “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 года” // *Северные народы России на пути в новое тысячелетие.* – М., 2000. – С. 100.
- ⁶ Там же; см. также: *Таксами Ч.М.* Народы Сибири в XX в.: социально-экономическое и культурное развитие // *Экология этнических культур Сибири накануне XXI века.* – СПб., 1995. – С. 17 – 19; *Пелих Г.И.* Селькупы: в сибирской тайге умирает народ // *Народы Сибири: права и возможности.* – Новосибирск, 1997.
- ⁷ Здесь и далее оперативные материалы из Архива ИЭА РАН: Госкомсевера РФ от 28.07.2000; Администрации Алтайского края от 27.07.2000; Госкомстата от 15.11.99; Администраций Ямало-Ненецкого, Эвенкийского, Таймырского, Чукотского и Корякского АО, Мурманской, Иркутской, Читинской, Магаданской, Камчатской, Амурской и Сахалинской областей, Алтайского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Правительства республики Хакасия. См. об этом: *Соколова З.П.* Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера: концепция развития // *Расы и народы.* – М., 2002. – № 28. – С. 63, 76, табл. 2; *Соколова З.П.* Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера // *Вестник РГНФ.* – М., 2003. – № 1. – С. 48 – 49.
- ⁸ *От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства.* – Магадан, 1998. – С. 162.
- ⁹ Там же. – С. 160 – 161; *Вахтин Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. – СПб., 1993. – С. 54 – 55; *Северные народы на пути в новое тысячелетие.* – М., 2000. – С. 61, 97, 100, 117; *Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты.* – СПб., 2000. – С. 236; *Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год / Государственный комитет РФ по статистике.* Главный межрегиональный центр обработки и распространения статистической информации. – М., 2003. – С. 15.
- ¹⁰ *Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л.* Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // *Этнографическое обозрение.* – 2000. – № 3.
- ¹¹ *Коренные малочисленные народы...* – С. 70.
- ¹² *Клоков В.Ф., Корюхина А.В.* Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // *Этнографическое обозрение.* – 1994. – № 5. – С. 64.
- ¹³ *Кривоногов В.П.* Кеты на пороге III тысячелетия. – Красноярск, 1998.
- ¹⁴ *Семейный быт народов СССР.* – М., 1990. – С. 293, 302, 333 – 335.
- ¹⁵ *Шаргородский Л.Т.* Современные этнические процессы у селькупов // *Селькупы.* – М., 1994. – (Библиотека российского этнографа). – С. 66 – 75, 143. – Табл. 26; *Кривоногов В.П.* Кеты...; *Кривоногов В.П.* Русскоязычные метисы? // *Народы Сибири: права и возможности...*
- ¹⁶ *От патернализма к партнерству...* – С. 160.
- ¹⁷ *Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л.* Материалы... – С. 16.
- ¹⁸ *Соколова З.П.* Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // *Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиция и современность.* – М., 1995. – С. 37 – 38; *Соколова З.П.* Перспективы..., 2002. – С. 72.
- ¹⁹ *Народы Советского Севера...* – С. 167.
- ²⁰ *Кривоногов В.П.* Русскоязычные метисы...